

Наталья Тимофеева

*Водяные
знаки*

стихи, романсы

Наталья Владимировна Тимофеева

Водяные знаки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400945

ISBN 9785447473792

Аннотация

Книга «Водяные знаки» составлена из стихов, частично написанных в Москве перед отъездом автора в Болгарию. Водяные знаки памяти проступают через новые впечатления, наполняющие сердце и душу.

Содержание

Азбука рассвета	6
«Вновь слышу песнь осеннего призыва —...»	6
«Резных дубов блистающую медь...»	7
«Ослепший дождь ныряет с косогора...»	8
«Отблеск лиловой зари, догорая...»	9
«Огневица-зоренька, ясный свет...»	10
«Музыка осени в небе, размеренный...»	11
Матрица повседневности	12
«Искусно ветер добывает груши...»	12
«Слюдяные чешуйки звёзд...»	14
«У изголовья кружка с молоком...»	16
«Ветер несёт околесицу полную...»	18
«Виноградная спелая гроздь...»	19
«На небе алыми мазками...»	21
«Река молчит. В остудном ожиданье...»	23
Болгарские напевы	24
«Дождь пахнет рыбой. Может быть, она...»	24
«Не распознаю сослепу рубля...»	26
«Я стала блюсти сестру, —...»	27
«Сломать воспоминанья об колено...»	29
«У ветерка рубаха нараспашку...»	31
«Какие тени нам на стенах...»	33
«Устами роз глаголет тишина...»	34

«Здесь шум дождя такой же, как везде...»	36
«Садилась солнца половина...»	38
«Террариум страстей к действительности глух...»	39
«Я всю жизнь сторонилась симметрии, нет в ней искусства...»	41
«Директория чувства – несметная область сомнений...»	42
«Ночная птица крикнула негромко...»	43
Романс с любовью	45
«Затем, что правду говорила...»	47
«Разлуки белые глаза...»	49
«Там, где в сердце была Россия...»	51
Прощальные ветра	52
«Эрзац-мечты властителям в угоду...»	52
«Пейзажи Брейгеля на Девичьих прудах...»	54
«Волной злещёною негромко...»	55
«Загоралась розовым каёмка...»	56
«Мёд, мюсли, молочная диета...»	57
«Мне вечер-чародей принёс дары...»	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Водяные знаки
стихи, романсы
Наталья Тимофеева**

© Наталья Тимофеева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Азбука рассвета

«Вновь слышу песнь осеннего призыва —...»

Вновь слышу песнь осеннего призыва —
Томительного клича журавлей.
Вонзаясь клином в облачность залива
Небесной тверди над судьбой моей,
Они уносят эхо за границы
Души, умевшей некогда желать.
Теперь она далече не стремится,
Но, отогревшись, стала петь опять.
Мотив её заученного лада
Меж песен ветра трудно различим,
А он, коснувшись пряжей звездопада,
Вновь манит душу выпорхнуть за ним.
И журавли, над нею проплывая,
Чуть слышной грусти оставляя след,
Зовут её в отчаянную стаю
Лететь отсюда – на высокий свет...

«Резных дубов блистающую медь...»

Резных дубов блистающую медь
Расстрига-ветер медленно листает...
Ещё листве не время умереть,
Но в воздухе тепло упрямо тает
И гор хребты скрывает сизый мрак.
Он заползает медленно в долину,
И меркнет солнца утомлённый зрак,
Меня мира яркую картину
На приглушённых красок хмурый вид.
И вот уж дождик сеется сквозь сита
Белёсых туч, и марево дрожит
Там, где недавно золото разлито
По склонам было, пурпур и багрец,
И кажется, навечно эта слякоть
Погасит человеческий жар сердец,
Заставив всех вокруг грустить и плакать.
Но ветер, вдруг опомнившись, взыграл
И, угадав тоску небесной шири,
На радость ей все тучи изорвал,
А спелых груш увесистые гири
Побил об землю, старые суки
Просыпав тоже, – жалкие обломки...
И гор драконы стали из реки
Пить солнца блики у небесной кромки...

«Ослепший дождь ныряет с косогора...»

Ослепший дождь ныряет с косогора
В поток дремотный медленной реки,
А ветер пересчитывает споро
На клёнах листья с западной руки.

Он то бормочет, высыпая золото
В намокший красный глинистый овраг,
То восклицает радостно, караты
Красы осенней получив за так...

Нисходит время на земное поле,
Одето в тогу красок янтаря,
И дождь бежит из сумрачной неволи
Тяжёлых туч – в объятья октября.

«Отблеск лиловой зари, догорая...»

Отблеск лиловой зари, догорая,
В сумрак лавандовый выплеснул свет.
С гор перекинулась лава чермная
На виноградники, огненный след

Выдал желтеющих клёнов дрожанье,
Ржавчины бурый налёт на дубах...
Ветер пронёс над долиною ржанье
Коника... Эхо, растаяв в горах,

Словно опомнившись, снова вернулось
И суматошно забилося, двоясь...
А наверху в ширину распахнулась,
Звёздная высветилась коновязь.

Тотчас кузнечики с крепнущим пылом
Стали подпиливать ветра орган,
В воздухе чёрном, глубоком и стылом
Пасмой, чуть видимый, свился туман...

Осень вздохнула протяжно и гулко
Шелестом листьев, журчаньем реки
И заогнивила по переулкам,
Где зажигались в ночи огоньки.

«Огневица-зоренька, ясный свет...»

Огневица-зоренька, ясный свет,
Ты заходишь в горенку, – меня нет.
Винограда гроздьями занята
Я до часа позднего. Красота
В руки так и просится с винных лоз,
На просвет-то – росица, чище слёз.
Как надкусишь ягодку, – аромат!
Сладок, словно патока, виноград
Чёрный, красный, розовый – весь букет...
Зоренька вечерняя, мочи нет,
На подушку клонится голова,
А над виноградником, сурова,
Смотрит с ветки вишенной пустельга,
Как пустилась ноченька во бега...

«Музыка осени в небе, размеренный...»

Музыка осени в небе, размеренный
Тактами, медленный вальс.
Ветер листву кружит так неуверенно
В этот неузнанный час.

Шорохи, запахи, слитность сознания
С жёлтой листвяной рекой...
Летние кончились иносказания,
Осень взмахнула рукой.

Вот за горою растаяли в нежности
Блики закатной зари,
Вечер с луной улыбочливой тешится...
Ветер, свой вальс повтори?

Матрица повседневности

«Искусно ветер добывает груши...»

Искусно ветер добывает груши:
Срывает с ветки и об землю бьёт.
А солнце под навесом перец сушит
И каждый день размер его крадёт.

Котёнок скачет за листвой опавшей,
Попутно ловит желтобрюхих ос...
У осени, мне счастье обещавшей,
Ещё не накопилось в небе слёз.

Короче день, но не довлеет сумрак
Над сединой задумчивых вершин.
Протяжен час спокойных сельских суток,
Составленных из разных половин.

А звуки ткут свой невесомый полог
Над светом дня и теменью ночной,
И кажется, твой путь ко мне недалог,
Ещё чуть-чуть, и встретимся с тобой!

Ведь там, в Москве коптящей и гремящей,

Где осень топит в лужах явь и сон,
Ты вновь один среди ненастоящей
Московской жизни, – ею взят в полон.

Ещё немного, смилуется время,
Отпустит сердце раны врачевать,
Ведь мы с тобой – неведомое племя
И нам на расстоянья наплевать!

Не в первый раз разлука, нам ли киснуть,
Когда судьба за дверью стережёт...
Опять сентябрь мои благие мысли
Пускает, будто воду, в оборот.

С ветвей роняет резкий ветер груши,
И сок их пьёт с камней армада ос,
А солнце под навесом перец сушит,
И осень затевается всерьёз.

«Слюдяные чешуйки звёзд...»

Слюдяные чешуйки звёзд
Пересыпали Млечный Путь.
Он повис, как ажурный мост...
Стоит ветру туда подуть,
Заколышется, что вода,
Этот зыбкий летучий свет,
И, сорвясь, упадёт звезда
И закатится в бересклет.

Будут тени качать муар
Отражений на глади стен,
И забвения тонкий пар
Двор погрузит в туманный плен,
А ущербной луны лоскут,
Зацепившись за неба край,
Станет музою пёсых смут,
Вдохновляя на вой и лай.

Снова ночь занавесит мир
Необъятным своим крылом,
И фонарь жестяной потир
Вновь наполнит златым вином.
Каплей мёда заклеит глаз
Развалившийся в спальне кот
И немислимый свой рассказ

Про грядущее заведёт.

«У изголовья кружка с молоком...»

У изголовья кружка с молоком,
Кот на груди мурлычет важным басом,
Собаке снится колбаса, волчком
Хвост кружится её и лапы бассом
Плывут куда-то сами... От луны
Ложится на пол блёсткая дорожка,
И очи звёзд загадочно-влажны,
И ветер в фортку тянется сторожко,
Чтобы блокнот, шурша, перелистнуть...
Кота тревожить жаль, но встать охота,
Коль всё равно не может заснуть.
Опять под крышей колобродит кто-то,
Мне говорили – белка, но не та,
Чей хвост изогнут, рыжий и пушистый...
Ночь хороша, – глухая пустота
Качает горный воздух свежий, льдистый,
Кругом разлиты нега и покой...
Петух соседский – истый полунощник
Проклекотал, перильца под рукой
Отозвались скрипуче, в чёрной толще
Пространства драгоценные дрожат
Огни, как в ожерелье сердолика
Мерцающая, сгусток времени зажат
Здесь, в кольцах гор и духе базилика...
Отшельничество вольное моё,

Как мне мила сейчас твоя отрада!
Проснулось, вышло на крыльцо зверьё, —
Какого же рожна ещё мне надо?
Плывёт луна, серебряным веслом
Гоня пух небесный надо мною,
А рядом крепость – мой старинный дом
С судьбой своею, вовсе не простою.
Здесь жили люди, и за веком век
Плыла луна, своим надменным ликом
Напоминая, – смертен человек.
И в этом равноденствие великом
Смертей, событий, жизнью и любви
Я оказалась волею незримой
Как в эпицентре вечности. Увы,
И я уйду однажды, будто мимо
Вот этих окон свет немой скользнёт, —
Недолгий блик, неяркий и усталый...
Запрыгнул мне на плечи чёрный кот.
Пожалуй, мне пора под одеяло.
Оса жужжит и бьётся о стекло,
Сейчас тебя я выпущу, бедняга...
А стрелки уползают под уклон,
И белка¹ барабанит дробным шагом...

¹ Местные жители уверяли меня, что на чердаке по потолку бегают белки, похожая на кошку. Я никак не могла добиться от них, что же это за разновидность белки такая, пока сама не увидела.... хорька. Если хорёк похож на кошку, то у болгар весьма богатая фантазия.

«Ветер несёт околесицу полную...»

Ветер несёт околесицу полную,
Хлопает дверью, кидается грушами,
Ходит в гривастых акациях волнами,
Только себя с пониманием слушает.

Вот застучал по ступеням орехами,
Выгнул дугою тростину кленовую,
Вымел тропу перед домом с огрехами,
Песню запел, словно пьяный, бредовую...

Что ему жар, проходимцу, полуденный,
Он им дохнёт, словно факелом, огненно...
Ветер предгорий, мой ласковый суженый,
Я принимаю твой пламень растроганно.

Скоро погонишь ты тучи осенние,
Скоро возглавишь ты грозное воинство...
Боже, пошли мне ума и терпения,
Толику строгости – ветреной вольнице...

«Виноградная спелая гроздь...»

Виноградная спелая гроздь
Налилась упоённо закатом,
Небо заревом роз занялось
И речные зажгло перекаты.
По алеющей водной тропе
Заскользили волшебные блики,
Зимородок несмело запел,
Пустельги возбуждённые крики,
Трепет крыл её – звуки свели
В резонанс безутешного эха,
И с водой в берегах потекли...
Словно первая осени вежа
На траве засияла роса,
Паутин потянулись тенета,
Сладким соком огрузла лоза
И, наверное, кончилось лето.
Только зелено всё невпопад
В этом царстве добра и покоя...
Догорел за горою закат,
Воцарилась луна над землёю,
Зазмеилась река серебром,
И таинственно выкрались тени,
И посыпались колким стеклом
Звёзды с неба ко мне на ступени.
Ветер тронул листву, как струну,

Задышал упоительно, влажно
И, колыша тугую волну
Ароматов, продолжил отважно
Кроны тёмных деревьев трепать,
Нагнетая безудержно тучи,
И в прозорци² с разбега стучать,
Обещая грозы неминучей...
Пала ночь, и глуха, и черна,
Засквозило вокруг, зазнобило...
Я опять очутилась одна
И опять своё имя забыла...

² Прозорец – окно, болг.

«На небе алыми мазками...»

На небе алыми мазками
Небесной магмы цвёл закат.
Он невесомо над горами
Висел и плавился. Раскат
Ворчливый грома плыл, стихая,
С востока из-за синей мглы,
Где гор громада налитая
Дубов баюкала стволы.
И робкий месяц из-за тучи
Ловил последний солнца луч,
И остриё звезды падучей
Вонзалось в спины дальних круч.
Одно мгновение, и пала
Завеса ночи, словно рок,
И ничего вокруг не стало, —
Закрылся видимый чертог.
Лишь в отдалении неясном,
Переливаясь и горя,
Огнивом вспыхивая красным,
Зажглись огни монастыря.
А ночь сгустила чёрный полог
И обострила каждый звук,
И стал невидимым посёлок,
И горы, ставшие вокруг.
Лишь под оркестр кузнечьих скрипок,

Под лай нестройный местных псов
Качался воздух, прян и зыбок,
И ждал заветных вещей снов...

Слоистый воздух то студён, то жарок
В заросшей улице над каменной тропой,
Из-под поникших виноградных арок
Вослед за мной он льётся медленной рекой.

На повороте хмелевой волною
Обдал лицо моё дремотный аромат,
И пчёлы заскользили дружным роем,
В излёте лета опыляя чей-то сад.

Цикорий отражение заката
В кордиеритовые чашечки пленит,
И, кажется, я здесь жила когда-то,
И потемневших стен мне дорог тленный вид,

Когда они, среди зелени мелькая,
Убогих будто бы щербин своих стыдясь,
Мне отдают тепло чужого края,
Где я и впрямь недавно снова родилась.

«Река молчит. В остудном ожиданье...»

Река молчит. В остудном ожиданье
Прозрачных струй – осенняя печаль.
За перекатом – синих ив смыканье
И омота таинственный Грааль.

Так тихо, словно жизнь вот-вот угаснет
И в зазеркалье омота падёт,
Лишь старых ив несмелые запястья
Над ней дрожанье успокоят вод.

А берега, не ощутив событий,
Гиперболой вопроса замерев,
Останутся хранилищем наитий,
Где скрыт в молчанье вечности распев.

Болгарские напевы

«Дождь пахнет рыбой. Может быть, она...»

Дождь пахнет рыбой. Может быть, она,
В раздутой туче плавая, играет
И, сетью молний там оплетена,
На землю чешую свою роняет?

И чешуя, сползая по стеклу,
На нём кривит серебряные блёстки...
Дождь, обернув мой двор в свою полу,
Бросает скупо книзу влаги горстки,

Тотчас закончив свой нетвёрдый крап,
Как только вечер, потемневший ликом,
Его настиг. Дождь выдохся, ослаб,
И солнце предзакатным нежным бликом

Вдруг высветило зелени кайму
Над черепичной красной мокрой крышей,
И светотень ажурную канву
Явила взору, где искусно вышит,

Дождём омытый, абрис вечных гор
И цепь огней в таинственном предгорье,
И на моём окне рисунок штор,
Изломанный дыханьем ветра с моря.

Уплыли рыбы в тучах... Верховей
Унёс их запах, острый, как касанье
Хребтов колючих радужных сельдей
И чешуи серебряной мерцанье.

«Не распознаю сослепу рубля...»

Не распознаю сослепу рубля,
Но лист любой на ощупь распознаю...
Уже за Янтрой вспаханы поля,
А лозы солнцем кисти наливают.
Из летних таинств не разгадан лишь
Округлый короб с мякотью ореха.
Он падает, скорлупкой бьётся в тишь,
Но этот звук для уха не помеха.
Его тугого тела не разьять,
Он бесконечно крепок для ладони.
Молочно-спел иль горек, – не узнать,
Пока сентябрь на землю не уронит.
И запах йода, и смолистый вкус,
И множество извилин мозговитых, —
Мой с детства не приевшийся искус
Открыть орех в стараньях позабытых.
Его я покупала, лучших яств
Попутчика, уже разбитым где-то,
Теперь он ждёт, когда рука раздаст
Моя его на две частицы света.
Он ждёт давно, огромен, одинок,
Стеля листву по черепичной кровле,
И серый ствол услужливый выюнок
Обвил, струясь цветочной алой кровью...

«Я стала блюсти сиесту, —...»

Я стала блюсти сиесту, —
Здесь солнце палит нещадно.
Найду попрохладней место,
Залягу с винцом – и ладно.

А бархатный персик – влажен,
А синяя слива – гладка,
А день непомерно важен,
В жару расплываясь сладко.

Звучит над селеньем песня,
Болгарский напев порожист,
А я ем лохматый персик,
В него погружая ножик.

Окну орхидеи снятся,
В стекле отражая стрелы...
Да, мне уж давно не двадцать,
А впрочем, кому есть дело?

Мне нравится леность тела,
Забывшего торопливость,
Я в зеркало поглядела,
Его не взыскуя милость.

Живу, ожидая чуда —
Восхода или заката...
Я здесь обрелась оттуда,
Где правды ждала когда-то.

«Сломать воспоминанья об колено...»

Сломать воспоминанья об колено,
Как хлам ненужный, выбросить в навоз,
Сдуть наносное, словно с пива пену,
Начать сначала. Можно – не всерьёз.

Зачем бежать, стерню ногами чуя,
А сердцем пересиливая боль?
Ведь есть же на земле такое чудо,
Которое зовётся просто – «соль».

Соль солона, но не из слёз родится,
И не от бед пластуется она,
А смысла наполнением гордиться
Ей по ранжиру, тем и я сильна,

Хоть не вписалась в жизни повороты.
Но не люблю бессмысленную «круть»,
Когда она безглазо мчит кого-то
И не даёт на миг передохнуть.

На поле лжи лежат мои сомненья,
Они за расстояньем скрыли рты,
Что прокляли моё освобожденье
От недостойной этой маяты.

Здесь даже сны нахлынули другие, —
Они наивней, чище и светлей.
И снятся мне не копии соляные,
А разговоры звёзд-поводырей...

«У ветерка рубаха нараспашку...»

У ветерка рубаха нараспашку,
Ему косая сажень с косогор
Дала полынной веточкой отмашку,
А он и побежал во весь опор.

В чешму³ насыпал сливы по дороге,
И по проулкам разогнал собак,
Цыганские подталкивая дроги,
Их выкатил на Вырбицкий большак.

Пошёл плясать по мосту, пыль вздымая,
Да спрыгнул в реку и пропал из глаз....
И лишь большая рыба золотая,
Хвостом плеснув, его поймала враз.

Она вздохнула, плавники топорща, —
Ловить здесь воздух, видно, не впервой,
К тому же, ветер был весьма солощій, —
Приличный ужин рыбе золотой...

Она стояла в водорослях, ластьясь
К потоку солнца, словно сытый кот,
И блёсткой головой сусальной масти

³ Чешма – природный источник, оборудованный как поилка для скота

Чесала камни, разевая рот...

«Какие тени нам на стенах...»

Какие тени нам на стенах
Рисует полная луна!
Орех зелёной вздыблен пеной,
Остатки давешнего сна
На нём качаются, спадает
В прохладу сумерек простор,
И в небо абрис улетает
Закатом высвеченных гор.
Бежит цыганская лошадка, —
Копыт ритмичен метроном,
Поёт пичуга тонко, сладко,
И залит дворик серебром.
Он светляков на дне качает,
Как проблесковые огни,
И шоколадом вечер тает,
И в целом мире мы – одни.

«Устами роз глаголет тишина...»

Устами роз глаголет тишина
О невозвратном времени бутонов.
Судьба моя теперь предрешена
По правилам совсем иных законов.

Как будто я отрезала пирог,
Огромный пласт, испорченный гниением,
И чист мой разум, и высок порог
Пред новым, неопознанным рождением.

Как будто детство постучалось вновь
На улочку, укрытую разлукой
От глаз, забывших вечную любовь,
Задавленную бесконечной мукой.

Из сада слов я вырву сорняки,
И горный воздух мне наполнит душу,
Чуть было не ослепшую с тоски,
Разученную понимать и слушать.

Благоуханна, словно фимиам,
Ложится тишина, венчая веси,
И жмутся разноцветные к горам
Скоплений терракотовых навеси.

Драконы гор мой стерегут покой,
Закольцевав хвосты под облаками,
И просто нет возможности такой —
Разжалобить тоскою белый камень.

Здесь бьют ключи благословенных вод,
Их разговор студён и равнодушен.
И жизнь моя размеренно течёт,
И ритм её дыханию послушен.

«Здесь шум дождя такой же, как везде...»

Здесь шум дождя такой же, как везде,
Когда он пляской распалает бубен,
Стуча босою пяткой по воде
Среди обычных неприметных буден.

По крыше скачет мойщик черепиц,
Журча, стекает в реку с косогора,
Пугает громом гордых белых птиц
И намывает в лужах много сора.

Он пахнет небом, ухарь, вертопрах,
Переселяясь из высоких далей
И прибывая паданки в садах,
Он знает, что внизу его не ждали.

Но роз благоуханная пора
Его цветеньем манит благодатным,
И он кропит их венчики с утра,
Встречаясь с обожаньем ароматным.

Да, розы в дождь сияют красотой!
Целуя влагу алыми губами,
Они роднятся с синей высотой,

Что за шипы цепляется краями.

А за дождём белеет пелена

Пологих гор, и дальше – только ветер.

Его бежит за тучами волна,

И мир под ним сверкает, чист и светел...

«Садилась солнца половина...»

Садилась солнца половина,
Под тучей спрятав медный бок.
Горела медью полонина,
Тянулся ветер на восток.

Простор страдал одышкой пряной
И сливы дикие ронял,
На травы вечер падал пьяный
Под спуд листвяных одеял.

На виноградник свет ложился
Прощальным радостным мазком,
И птичий голос нежно лился,
И пахло мёдом и вином.

«Террариум страстей к действительности глух...»

Террариум страстей к действительности глух.
Как цепок взор судьбы за стёклами разлада!
Летит моя душа над памятью, как пух,
Ей больше ничего из прошлого не надо.

Там, в призрачной дали, растаял чей-то смех, —
Злорадства не снести родному поголовью...
Что ж, кажется, и я развеюсь без помех,
Довольствуюсь вполне лишь волей, да любовью.

Открыт ветрам простор широкий и святой,
Внизу бежит река, вверху над крышей – аист.
Со старых гор закат струится золотой
И я сама к себе испытываю зависть.

Кивают мне цветы и терпкая полынь,
Цепляют за подол кусты чертополоха,
А месяц молодой на бархатную синь
Насыпал из рожка блескучего гороха.

Волынки голос пьян, он, медленно-тягуч,
От Вырбицы плывёт на лодочке воздушной,
Свой в летнем вечеру обыгрывая ключ,

Дыханью ветерка неспешного послушный.

Ничто не тяготит разнежившихся дум,
И непривычный штиль не предвещает бури.
Уляжется за мной и оборвётся шум,
И лишь вода в реке со мной побалагурит.

Назавтра снова день и, может быть, дожди,
Я разожгу огонь не для тепла – для счастья,
Что, верится, споёт волынкою в груди,
Попавшись и в мои бесхитростные снасти.

«Я всю жизнь сторонилась симметрии, нет в ней искусства...»

Я всю жизнь сторонилась симметрии, нет в ней искусства,
Есть лишь искус красоты, глаз улаждающий штамп.
Симметричность мышления – это продуманность
чувства,
А любовь – непорочная дева, не женщина – вамп.

У любви серафимы живут над крыльцом под застрехой,
Ей на косы в ночи переносят огни светляки.
Для любви все сердца, словно воск, но не станет потехой
Чьё-то сердце в огонь опрокинуть иль в недра тоски.

У любви всё открыто, распахнуты настежь оконца,
Ей хитрить ни к чему, ей противна искусственность
слов...
Потому так нечаянна радость – влюбиться под солнцем,
Где давно от симметрии денег страдает любовь.

Но не всем этот дар драгоценнее кажется злата,
Продаётся эрзац, как телесная тень волшебства...
А любовь, как и Бог, на земле не бывает богата,
Вырастая из крови людской, будто в небе трава.

«Директория чувства – несметная область сомнений...»

Директория чувства – несметная область сомнений,
Переменчивый азимут света и робкая власть
Над таинственной сутью любви, над попыткой явлений
В ограниченный круг бытия, отражаясь, попасть.

Что же делать, когда невозможность смиряет желанья,
Воздух правды бывает и солон, и остро-колюч.
Всё короче минуты, и тени длинней расстоянья
Между ложью и сердцем, чей голос чуть слышный горюч.

Словно сучья сухие впиваются в душу ответы
На простые вопросы, а сложных – не стоит труда
Задавать, если эхо несчастья заблудится где-то
И с порожистой кручи судьбы утечёт, как вода.

Ты мне просто поверь, я в свободу ныряю без страха.
Здесь условностей нет, всё понятно, как абрисы гор.
Может быть, я найду голове своей новую плаху,
Но любить тебя буду, как тысяча любит сестёр!

«Ночная птица крикнула негромко...»

Ночная птица крикнула негромко,
Со старой груши оборвался плод,
Погасла света тонкая каёмка
И, кажется, – весь мир вот-вот уснёт.
Но он звучит легко, освобождённо,
Из жара дня в прохладу погружён,
И ветерок порхает... окрылённо
В такт ветру кроной машет чёрный клён,
Пищат в мансарде радостные мыши,
Копытом бьёт цыганский сивый конь,
И сумрак белых стен тенями вышит,
И бабочка летит на мой огонь.
Зажжённый хворост манит разговором,
В камине места много для тепла...
И лишь моя душа с немым укором
Пеняет мне, мол, раньше не могла
Забыть про боль, что на сердце ложится
Могильным камнем? Посмотри во тьму!
Ты слышишь, как кричит ночная птица?
Она свободна! Больше никому
Не дай себя в силках запутать снова,
Судьба утрат сердечных не вернёт...
Ей вторю я – мне ничего иного
Не надо, пусть всё будет, как идёт.
Да, эта ночь укромная прекрасна,

В ней есть для дум божественный приют,
И верится, что с жизнью не напрасно
Я состязалась, оказавшись тут.
И верится, что счастье не отпустит,
Что воля разум вынесет из бед...
Но есть в ночи всегда немного грусти,
И не на всё она даёт ответ.

Романс с любовью

Объявлена любовь, – парадный выход сердца
Под перекрёстный блеск мерцающих огней.
Ах, мне бы на неё душою наглядеться
И перестать считать черёд счастливых дней.
Но, разменяв судьбу на горестные всхлипы,
Уже не увидеть любви за пеленой
Потоков горьких слёз, что приходилось выпить,
Увы, не мне одной, увы, не мне одной...

Объявлена любовь на сцене совершенства,
Сияет, как огонь, проснувшаяся медь...
Так много обещал короткий миг блаженства,
Что впору в небеса, как птице, улететь.
Негромок голос был из ракушки суфлёра,
Любовь свои слова забыла невзначай
И вот она ушла, сказав немало вздора, —
Она вернулась в рай, она вернулась в рай...

Объявлена любовь в грядущие столетья,
Мечтателям она увидится во сне,
Когда-нибудь и я стряхну с себя веретья
Из памяти своей о невозвратном дне.
Когда-нибудь и я увижу рай небесный
Среди земных щедрот, где чувствам места нет.
И пусть мне от любви под небом станет тесно, —

Её недолог свет, и мой недолог свет...

«Затем, что правду говорила...»

Затем, что правду говорила,
Затем, что землю берегла
И небеса боготворила,
В тюрьме прижиться не смогла.

Как птица падает за тучи
В плену потоков ледяных,
Так я, с земной сорвавшись кручи,
Лишусь и близких, и родных,

В чужом краю навеки кану
Для тех, кому не горек хлеб,
И сердца пламенную рану
Освобожу от душных скреп.

Не надо слов для темы плача,
Невелика земля людей.
И раз не выпало иначе,
То кроме Бога нет судей!

Тоске неведомы поблажки,
И я не стану горевать.
Из родника наполню фляжки
И буду снова понимать,

Как в целом мире безграничном
Частицы малые срослись,
Но их мельчайшие отличья
В моей душе отозвались!

«Разлуки белые глаза...»

Разлуки белые глаза
Скользят по окнам равнодушно,
Их взгляду время не послушно,
Пытаясь вырваться назад.

Но там, откуда я взялась,
Всё тот же омут неприятья.
Моё под ветром смялось платье, —
Он надо мной ярился всласть, —

Однако разум уцелел,
Ему продолжить сказ недолго.
Немного воздуха отволгло,
Да раскрылся света мел,

И пепел выпал по краям
Дороги, не ведущей к храму.
Лишь память носится упрямо
По жёлтым скошенным полям,

Где от стерни лоснится холм,
За ним другой, но до заката
Истлеет и она. Когда-то
Страшилась мыслей чёрных волн

Моя душа, теперь не так, —
Её покоя не нарушить...
А тишина заходит в душу,
Как расстояний вещей знак...

«Там, где в сердце была Россия...»

Там, где в сердце была Россия,
Разрастается пустота.
Не берёт меня ностальгия,
Ум покинула суета.

Словно бабочка, кокон сбросив,
Полетела на свет душа.
Пусть для тела настала осень, —
В чувствах золото, а не ржа.

Ни сомнений во мне, ни фальши,
Не тревожит чужая речь.
Буду жить, как и прежде, дальше,
Будет время, как прежде, течь,

Но на память наложит вето
Этот дивный для глаз простор,
Где ещё не погасло лето
Над горбами лиловых гор.

Прощальные ветра

«Эрзац-мечты властителям в угоду...»

Эрзац-мечты властителям в угоду...
Шельмует век и карты раздаёт.
Богатство духа не дано народу,
Что из-за денег кровь земную пьёт.
Дым без огня... вновь истлевают листья...
Так дотлевают память и судьба.
Не так уж много недоступных истин,
Но вновь кругом идёт-кипит борьба.
То тут, то там ползёт над миром ересь,
Безумна жизнь, что Богом налита
В меха Земли. Меж ойкумен рассеясь,
Не познанной осталась красота.
Стада влекомы жалкою потехой,
Всё – на потребу, время мчится вскачь,
И топит печи алчности со смехом
Грядущей жизнью человек-палач.
Но есть на свете, как вкрапленье истин
В негодный прах, в неузнанный сырец,
Бессребреник и недотёпа истый
В делах практических – человек-Творец.
Им не сойтись в желаниях навечно,

Хоть кровь одна бежит у них внутри.
Уничтожает первый бессердечно,
Что ни возьмёт, другой – опять творит,
И так до бесконечности. Оскома
Ни одного из них не бьёт в пути.
И нет у них вовек другого дома,
И вместе до конца им не дойти.
Останутся они с последним часом
Наедине в пустынном мире грёз:
Один – накрыв собой все деньги разом,
Другой – имея в сердце море слёз.
А замысел вселенский прост и ясен, —
Подобен Богу только лишь Творец,
Но и его нелёгкий путь напрасен
Там, где властитель истины – сырец.

«Пейзажи Брейгеля на Девичьих прудах...»

Пейзажи Брейгеля на Девичьих прудах,
Как будто время не течёт совсем, и люди
Всё те же. Двигутся в заботах и трудах,
И вновь им белый выюжный ветер лица студит.

И ни веселья нет, ни радости. Молчком
Они, беззвучно мимо, мимо... словно птицы
Большие чёрные спешат, и лишь волчком
За ними снег позёмкой хладною струится.

Зачем, куда и я бреду по тишине
С застывшей мимикой аквариумной рыбки?
И, может быть, ветла ветвями обо мне
Скрипит подруге, вросшей в снежный берег зыбкий...

А мальчик маленький всё режет, режет лёд,
Упорно бегая по замкнутому кругу.
Он не ребёнок на коньках, он – новый год,
В котором мы с тобой, лишь мы нужны друг другу...

«Волной злащёною негромко...»

Волной злащёною негромко
В рассветной зябкой тишине
Лизало берега каёмку,
Вздыхая, море при луне.
Одно светило отдавало
Ему мерцанье серебра,
Другое медленно вставало
Из гор могучего нутра.
Они скрестили, словно шпаги,
Дорожки света на воде,
А ветер набирал отваги,
Чтоб волны пеною одеть.
Метался всё вольней, всё выше,
Вздывая моря буруны...
И солнце, как властитель, вышло,
Уняв прощальный взор луны...

«Загоралась розовым каёмка...»

Загоралась розовым каёмка
В темноте парящих облаков,
Птица пела жалобно и тонко,
Словно свой оплакивала кров.
Ей бы, над птенцами клечетея,
Тихо плыть в сияние зари,
Тельцем пуховым их нежно грея,
Ласку материнскую дарить.
Но она кричала, горе множа,
В этот паром выющийся рассвет,
Словно птичью жизнь свою итожа,
Что над миром счастья больше нет...
И туман клубился равнодушно,
Прижимаясь к пажити земной,
И звезда мерцала ровно, скудно,
Колко и прозрачно надо мной.

«Мёд, мюсли, молочная диета...»

Мёд, мюсли, молочная диета,
Свёрнут в трубку грушевый листок...
Гор кольцо и горизонты света,
И слепит ликующий восток.

Стонет дикий голубь, а голубка
В унисон вплетает голосок.
Камешки потрескивают хрупко
Под ногами, кое-где дымок

Вьётся по-над крышами, – ракию⁴
Варят из созревших синих слив...
Часто ль вспоминаю я Россию?
Нет, не часто. Жажду утолив,

Я своей свободе не мешаю.
Лишь воскреснет новая заря,
Заварю ромашкового чаю,
Сяду долу... Жизнь моя не зря

Повернула на тепло и волю,
Здесь нарочно не сойти с ума....

⁴ Ракия – болгарский алкогольный напиток, попросту говоря, самогон из винограда, сливы или других плодов, абсолютно натуральный

Вижу, – по лоскутной глади поля
Двигается сияния волна,

Винограда матовые кисти
Отливают влагою ночной...
И вином, и хлебом евхаристий
Воздух воли дух врачует мой.

«Мне вечер-чародей принёс дары...»

Мне вечер-чародей принёс дары
И на дворе их положил устало.
Он издалече шёл и гор бугры
Укутывал попутно покрывалом

Туманной дымки, абрис шлифовал
Лесных угодий, делая размытым
Его зеленорунный пышный вал
И с гор кольцом посеребрённо-слитым.

Улёгся ветер, полон лунных грёз,
И языками вытянулись тени,
А то, что вечер нынешний принёс,
Текло потоком сладким через сени.

Там был полыни терпкий аромат
И серых лунных кратеров улыбки,
И бездны необъятной звёздный взгляд,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.